

Александра Чудова

Вредим
с умом.
Учимся
с удовольствием.

Академия для злодеев

Александра Чудова
Академия для злодеев

«Автор»

2026

Чудова А.

Академия для злодеев / А. Чудова — «Автор», 2026

Лена Соболева, студентка философского факультета, проваливается в мир, где главные предметы — «Основы коварства» и «Массовые иллюзии». Профессор, отправивший её в портал, называет это «экзаменом». Здесь, в Академии Тёмных Искусств, готовят профессиональных злодеев, а главное правило гласит: «Не привязывайся». У Лены нет магии, зато есть редкий дар — Тлен, способность обращать любые чары в труху. Её считают всего лишь инструментом для древнего ритуала, которого ждали триста лет. Но девушка отказывается быть пешкой в чужой игре. Чтобы выжить и вернуть право выбора, ей придётся собрать союзников из числа «задвинутых» студентов, разгадать тайну ректора и столкнуться с человеком, который наблюдал за ней с самого детства.

© Чудова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александра Чудова

Академия для злодеев

Глава 1

Если бы мне сказали ещё утром, что через пару часов я провалюсь сквозь пространство в мир, где главные предметы — «Основы коварства» и «Массовые иллюзии для устранения героев», я бы посоветовала этому человеку меньше времени проводить за компьютерными играми.

Но, как известно, утро вечера мудренее, а экзамены — коварнее всех злодеев вместе взятых.

Всё началось с того, что я, Лена Соболева, студентка третьего курса философского факультета МГУ, честно пыталась сдать экзамен.

Предмет назывался «Теория морального выбора в экзистенциальной перспективе». Профессор Верещагин был убеждён, что его лекции спасут человечество от нравственного падения. Студенты были убеждены, что профессор давно потерял связь с реальностью и теперь обитает в собственном философском измерении.

Я относилась к третьей категории: мне просто нужна была зачётка.

Июльское солнце пекло так, что даже мухи падали замертво, не долетев до подоконника. Аудитория 405, где проходил экзамен, была устроена по принципу «чем хуже, тем лучше»: сквозняки, скрипучие парты и стул преподавателя на возвышении, чтобы профессор мог сверху взирать на страдающих студентов.

Я сидела на третьем ряду, лихорадочно перебирая в голове конспекты. Проблема была в том, что конспекты состояли в основном из рисунков на полях. Человечек с мечом. Котик в короне. Надпись «Спасите меня», обведённая в сердечко. А ещё — меню столовой на следующую неделю, потому что это было единственное, что имело практическую ценность.

— Соболева, — голос профессора разнёсся по аудитории, и тишина стала такой плотной, что её можно было резать канцелярским ножом.

Я медленно поднялась из-за парты, чувствуя, как по спине стекает капля пота. Сосед слева, парень по фамилии Попов, который, как и я, готовился методом «авось пронесёт», сочувственно вздохнул. Соседка справа, отличница Таня Кузнецова, наоборот, смотрела с предвкушением — она всегда так смотрела, когда кто-то шёл к ответу, чтобы потом блеснуть на фоне чужого провала.

— Ваш вопрос, — профессор заглянул в список, — как звучит? Ах да. Опишите природу морального выбора в ситуации, когда оба варианта ведут к необратимым последствиям, но один из них противоречит вашим внутренним ценностям, а второй — общественным нормам. У вас есть пять минут.

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

В голове — тишина. Такая глубокая и величественная, что, казалось, там эхом гуляли древние философы, но говорить за меня отказывались. Даже Сократ, который, по идее, должен был поддержать коллегу по несчастью, демонстративно молчал.

— Ну же, Соболева, — профессор постучал пальцем по столу. Стук получился зловещим, словно он забивал гвоздь в крышку моего гроба. — Мы ждём.

Я глубоко вздохнула. Внутри всё сжалось. Экзамен я не сдам. Пересдача, нервы, осенний семестр, родители, которые спросят: «Леночка, а почему ты ещё не на четвёртом?» И придётся объяснять, что всё дело в моральном выборе, который я сделать не смогла.

— Моральный выбор, — начала я, понимая, что надо что-то говорить, пока меня не съели заживо, — это... это когда ты стоишь на перекрёстке. Буквально.

— Буквально? — переспросил профессор, и в его голосе появилась лёгкая заинтересованность. Обычно он так реагировал на особенно изощрённые заблуждения.

— Да, — меня понесло. Понесло туда, куда обычно заносит, когда не знаешь правильного ответа, но очень не хочется получать двойку. — Представьте: вы идёте по улице и видите два пути. Один короткий, но там злая собака. Второй длинный, но вы опоздаете на работу. И вы стоите и думаете: что важнее — ваши нервы или карьера?

— Это пример морального выбора? — голос профессора стал подозрительно спокойным.

— А почему нет? — я уже не могла остановиться. — Мораль — это про нас, про обычных людей. Не про абстрактные категории, а про то, как мы решаем проблемы в реальной жизни. Вот вы, например, если бы увидели старушку, переходящую дорогу в неполюженном месте, вы бы её окликнули или сделали вид, что не заметили? Это же моральный выбор!

В аудитории кто-то хихикнул. Профессор медленно снял очки и протёр их специальной салфеточкой, которую всегда носил в нагрудном кармане. Этот жест означал: сейчас будет больно.

— Вы считаете, Соболева, что философия — это про старушек и собак?

— Я считаю, — я набрала воздуха в грудь, потому что обратной дороги уже не было, — что философия — это про жизнь. А жизнь — это не идеальные модели, придуманные в тиши кабинетов. Это хаос, где иногда нет правильного ответа, есть только выбор, за который вы готовы нести ответственность. И если вы выбираете длинную дорогу, чтобы не встретиться с собакой, это не трусость. Это забота о своих нервах, которые тоже важны. А если вы окликаете старушку, это не героизм, это... ну, это просто человечность.

Тишина стала звенящей. Профессор Верещагин не двигался. Он смотрел на меня так, будто впервые увидел — не как студентку, которая вечно рисует на полях, а как... не знаю, как уравнение, которое он не мог решить много лет, а теперь вдруг заметил очевидное решение.

Он медленно снял очки. Я ожидала, что он начнёт их протирать — его коронный жест перед тем, как устроить разнос. Но вместо этого он просто держал их в руке, и стёкла слабо блеснули, отражая свет из окна. На миг мне показалось, что в этом отражении мелькнуло что-то странное — не аудитория, а какие-то шпили, чёрные башни, две луны... Но я моргнула, и видение исчезло.

— Значит, вы верите, что теория морального выбора, — заговорил он, и голос его стал тише, глуше, каким-то... древним, что ли, — должна проверяться не в абстракциях, а в реальной жизни? В обстоятельствах, где от решения зависит нечто большее, чем оценка в зачётке?

— Ну... да, — осторожно ответила я, начиная подозревать подвох. — В этом и суть выбора. Выбирая одно, вы отказываетесь от другого. И потом живёте с этим.

— Прекрасно, — профессор улыбнулся. Улыбка была такой, что у меня похолодело в животе. — Тогда давайте проверим вашу теорию на практике.

— В каком смысле? — я сделала шаг назад и упёрлась в парту.

Профессор поднялся из-за кафедры. В его глазах зажегся странный свет — не человеческий, какой-то древний, словно он ждал этого момента. На указательном пальце правой руки засветилось кольцо — массивное, с тёмным камнем, которое я раньше не замечала. Хотя... нет, замечала. Просто раньше оно казалось обычной побрякушкой, а теперь камень внутри словно проснулся. В его глубине пульсировало багровое пламя, и рисунок на оправе — какой-то древний, с рунами и символами, — засветился тем же зловещим светом. Он поднял руку, и камень в кольце вспыхнул ярче.

— Что вы делаете? — голос у меня пискнул.

— Проверяю вашу гипотезу, — спокойно ответил профессор. — Вот вам выбор, Соболева.

Он щёлкнул пальцами.

Пол под моими ногами исчез.

Не провалился, не разошёлся трещиной. Он просто перестал существовать. Вместо паркета и пыльного линолеума подо мной разверзлась светящаяся бездна. Багровые, фиолетовые и изумрудные сполохи переплетались в причудливый узор, который пульсировал в такт моему сердцу. Воздух стал тягучим, как кисель, и пахло от него озоном, горелой серой и ещё чем-то, для чего в русском языке нет названия. Сейчас я поняла: так пахнет магия.

— Это портал, — пояснил профессор, пока я хваталась за край парты с такой силой, что побелели костяшки. — Куда именно он вас выбросит, зависит от того, какой выбор вы сделаете.

— Какой выбор?! — заорала я, чувствуя, что меня затягивает в воронку. Ноги уже скрылись из виду.

— У вас есть два варианта, — голос профессора доносился издалека, приглушённый и искажённый. — Оба ведут к необратимым последствиям. Один противоречит вашим внутренним ценностям, второй — общественным нормам. Выбирайте!

— Это не выбор, это издевательство! — крикнула я.

— Жизнь, Соболева, — назидательно произнёс профессор, и его силуэт стал расплываться, — это и есть издевательство с элементами выбора. Летите!

И я полетела.

Вниз, в разноцветную бездну, которая пахла древностью и силой.

В голове пронеслась вся жизнь.

Ну, не вся, конечно, а самые яркие моменты: как я в детстве разбила мамину любимую вазу и свалила на кота (кот пережил этот позор и прожил ещё двенадцать лет, но смотрел с укором до самого конца), как на первом курсе перепутала аудитории и полтора часа слушала лекцию по нанотехнологиям, прежде чем поняла, что здесь пахнет не философией, а прикладной физикой, как вчера не выключила утюг и всю ночь переживала, не спалила ли общежитие.

«Не надо было спорить с преподавателем, — мелькнула мысль. — Это же первый закон выживания в вузе. Не спорить с тем, у кого в руках зачётка».

Вокруг мелькали цвета, которых не бывает в природе. Я видела оттенки, для которых в русском языке нет названий, и чувствовала запахи, которые не могла описать. А потом наступила тьма. Или не тьма — просто перерыв, монтажная пауза в фильме под названием «Жизнь Лены». Я висела в пустоте, которая была тёплой и влажной, как летний вечер после дождя.

Когда сознание вернулось, первое, что я осознала, — это боль. Я лежала на чём-то твёрдом и холодном, больно ударившись локтем и коленом.

— Ой, — сказала я, потому что моя философия временно покинула меня вместе с сознанием.

— Ой? — повторил голос сверху. В нём слышалось не только удивление, но и какая-то профессиональная досада. — Это всё, что ты можешь сказать, попав в Академию Тёмных Искусств? Обычно студенты хотя бы кричат. Или пытаются напасть. Или падают в обморок с достоинством. Я уже подготовила речь для каждого варианта, между прочим. У меня даже были заготовлены фразы для героической атаки: «Ничья лапы не загребущие не устоят!» А ты — «ой». Ты сломала мне весь дебют.

Я открыла глаза.

Надо мной стояла девушка. Ну, как девушка... Существо женского пола с фиолетовыми волосами, собранными в высокий хвост, острыми ушами, торчащими из-под прядей, и глазами такого яркого изумрудного цвета, что они светились в полумраке. На ней была чёрная форма с серебряной окантовкой — нечто среднее между мантией, деловым костюмом и военной формой. На груди красовался значок в виде черепа с горящими рубинами вместо глаз.

— Ты кто? — спросила я, пытаюсь сесть.

— Я здесь задаю вопросы, — отрезала фиолетоволосая. — Ты кто? Откуда? Почему у тебя нет магического фона? И почему ты воняешь человеческим миром?

— Я... человек, — призналась я. — Из Москвы. Студентка философского факультета.

Фиолетоволосая уставилась на меня с таким выражением, будто я сообщила, что являюсь посланцем Марса.

— Философ? — переспросила она. — В Академию Тёмных Искусств забросило философа?

— Я не знаю, куда меня забросило, — честно ответила я, наконец садясь. Голова закружилась, и перед глазами поплыли разноцветные круги. — Я вообще не планировала никуда забрасываться. Я хотела сдать экзамен и пойти домой пить чай с печеньками. У меня там «Юбилейное» лежало, целая пачка.

— Экзамен, — фиолетоволосая хмыкнула. — Значит, ты провалилась сквозь портал во время экзамена?

— Ну да. Профессор Верещагин взял и...

— Не знаю такого, — перебила она. — Меня зовут Моргана. Я староста потока. И у меня нет времени разбираться с тобой, потому что через пятнадцать минут начинаются «Основы коварства», а я не сдала домашнее задание. Поэтому вставай и пошли.

Она протянула мне руку.

Мы находились на площади, вымощенной тёмным камнем, который слабо светился изнутри — словно под ним текла лава, застывшая миллионы лет назад. Вокруг высились здания: чёрные, с острыми шпильями, украшенные барельефами, изображающими сражения, драконов и почему-то единорогов, которые кого-то явно нехорошего.

Единороги выглядели не как милые существа из детских сказок, а как агрессивные хищники с острыми рогами, горящими глазами и оскаленными пастьями. На одном барельефе единорог побеждал рыцаря. На другом — пил чай с тёмным властелином. На третьем — летел над полем битвы, и воины внизу разбежались в ужасе.

«Здесь явно пересмотрели истории про пони», — подумала я.

Небо было тёмно-фиолетовым, и на нём висели две луны. Одна — привычного желтоватого цвета, вторая — ярко-розовая, словно кто-то пририсовал её акварелью. Звёзды здесь тоже были другими: они не просто мерцали, а двигались, выстраиваясь в причудливые узоры, которые менялись каждую секунду. И от них исходила едва уловимая вибрация — словно звёзды пели, но на частоте, которую улавливало не ухо, а всё тело целиком.

Вокруг сновали люди. Ну, или не совсем люди. У некоторых были крылья — огромные, перепончатые, как у летучих мышей. У некоторых — рога, закрученные в тугие спирали. У некоторых — явно нечеловеческие глаза: вертикальные зрачки, светящиеся радужки, зелёное свечение изнутри.

Один парень прошёл мимо, разговаривая сам с собой, причём каждое его слово материализовывалось в воздухе в виде маленьких чёрных облачков, которые потом медленно растворялись, оставляя запах озона.

Все были одеты примерно одинаково — в чёрную форму, как у Морганы, но с разными нашивками. Многие несли книги — тяжёлые, в кожаных переплётках, с металлическими застёжками. Надписи на корешках я разглядеть не могла, но парочку прочитала издали: «Проклятия для начинающих», «Теория заговоров (практический курс)» и «Как выжить после неудачного ритуала. Методичка».

Надписи были сделаны на языке, которого я не знала, но почему-то понимала. Ещё одна странность этого места.

— Так, — Моргана остановилась и развернулась ко мне. — Правила простые. Ты — новенькая. Откуда ты пришла — мне всё равно. Главное, чтобы ты не мешала и не позорила

мой поток. Я отведу тебя к ректору, он решит, что с тобой делать. Пока идём, молчи, не глазами по сторонам и не задавай вопросов. Всё поняла?

— А что за академия? — спросила я, потому что не задавать вопросы было выше моих сил.

Моргана закатила глаза.

— Академия Тёмных Искусств, — процедила она. — Лучшее учебное заведение в трёх мирах для тех, кто хочет стать профессиональным злодеем. Мы готовим кадры для тёмных властелинов, коварных советников, мастеров интриг и прочих специалистов теневого профиля. Выпускники работают по всему континенту, а некоторые — и за его пределами. Довольна?

— Злодеев? — переспросила я. — Вы готовите злодеев?

— Профессиональных, — подчеркнула Моргана. — Это не шуточки, философ. Наши студенты проходят серьёзный отбор, учатся по двенадцать часов в день, а на выпускных экзаменах захватывают небольшие королевства в качестве курсовой работы. Это престижно.

— Но... зачем?

Моргана посмотрела на меня с жалостью. Так смотрят на котёнка, который пытается объяснить теорию относительности.

— Затем, что кому-то нужно поддерживать баланс, — сказала она тоном, которым объясняют очевидные вещи трёхлетним детям. — Если все будут героями, кто будет создавать проблемы? Это элементарная экономика спроса и предложения, философ. Герои нуждаются в злодеях. А злодеи — в качественном образовании. Без нас мир скатится в скуку и благодушие. А скука, между прочим, — самый страшный грех.

Она развернулась и пошла вперёд, даже не проверив, иду ли я следом.

Я пошла. Потому что других вариантов не было.

По пути я пыталась запоминать всё, что видела.

Академия была огромной. Помимо учебных корпусов, здесь были тренировочные площадки (на одной из них кто-то запускал в небо огненные шары, и они взрывались, рассыпаясь золотыми искрами), библиотека (размером с московский метрополитен, судя по фасаду) и даже кафе. Вывеска гласила: «У тёмной феи». Судя по запаху, там варили отличный кофе и пекли свежие булочки с корицей.

— Моргана, — позвала я, забыв о запрете на вопросы. — А что едят... ну, студенты?

— Ты вообще умеешь молчать? — огрызнулась она, но потом вздохнула. — В столовой. Три раза в день. Если успеешь. И если никто не отравит твою еду в рамках практического занятия по «Основам коварства».

— Отравят?

— Учебное, — отмахнулась Моргана. — Специальные зелья, вызывают лёгкое недомогание. Никто не умирал. Почти никто.

Я решила, что в столовую буду ходить с осторожностью.

Мы подошли к главному зданию — чёрному, с колоннами, украшенными горгульями. Горгульи были живыми: они поворачивали каменные головы вслед проходящим, иногда обменивались комментариями низкими, скрипучими голосами.

— О, свежатинка, — проскрежетала одна, когда я проходила мимо. Её глаза вспыхнули красным. — Давно у нас не было попаданцев.

— С философским складом ума, — подхватила вторая, облизнувшись каменным языком. — Долго не протянет.

— А я ставлю на месяц, — сказала третья, почёсывая каменную лапу о колонну.

— Месяц? — усмехнулась первая. — Неделя, максимум. Посмотри на неё — она даже испугаться нормально не может. Просто глазеет.

Я ускорила шаг, стараясь не слушать.

Внутри главного корпуса было прохладно и сумрачно. Полы из тёмного мрамора, стены украшены гобеленами с тёмными сценами: тёмный властелин принимает корону из рук скелета, сражается с героем в сияющих доспехах, а вот — неожиданно — пьёт чай с единорогом, и оба выглядят совершенно довольными.

Моргана уверенно вела меня по бесконечным коридорам, сворачивая то направо, то налево. Я уже сбилась со счёта, сколько раз мы поворачивали. Здесь, казалось, можно было заблудиться навсегда.

Наконец мы остановились перед дверью, которая была выше и массивнее всех остальных. Дверь из чёрного дерева, инкрустированного серебром, без ручки — только огромный металлический круг с выгравированными рунами, которые слабо светились.

На двери висела табличка:

«РЕКТОР АКАДЕМИИ»

Малахар Грозный

Если вы здесь, значит, вы либо гений, либо идиот. В любом случае, войдите и докажите свою полезность.»

— Моргана, — раздался голос из-за двери, низкий, раскатистый, как камнепад. — Я же чувствую твой запах. Заходи.

Моргана толкнула дверь — та открылась с лёгкостью, неожиданной для её размеров — и шагнула внутрь, жестом приказав мне следовать за ней.

Мы вошли.

Кабинет ректора оказался... неожиданным. Вместо трона из черепов и чёрных знамён я увидела уютную комнату с камином, в котором весело потрескивал огонь, мягкими креслами, книжными шкафами, забытыми старинными томами, и огромным столом, заваленным бумагами, свитками и чашками с недопитым чаем.

За столом сидел мужчина. Лет пятидесяти на вид, с проседью в тёмных волосах, аккуратной бородой и усталыми, но внимательными глазами. На нём был тёмно-синий халат с вышитыми золотыми звёздами, а на ногах — домашние тапочки в виде драконов. Драконы были зелёными, с красными глазками-бусинками, и выглядели... мило.

— Моргана, — кивнул он, не поднимая головы от бумаг. — Я же просил не беспокоить меня во время...

— Попаданка, — перебила Моргана. — Свалилась с порталом во время экзамена по философии. Человек. Магического фона нет.

Ректор поднял голову.

Его взгляд упёрся в меня, и я физически почувствовала, как меня сканируют. Словно кто-то заглянул внутрь, пересчитал все косточки, проверил, что в голове. Магия ректора была плотной, вязкой, как смола, но не враждебной — скорее изучающей.

— Философ, говоришь? — он откинулся в кресле, и драконы на его тапочках зашевелились. — Обычно к нам падают боевые маги, некроманты или хотя бы авантюристы. А тут — философ.

— Я не падала, — запротестовала я. — Меня сбросили. Профессор Верещагин...

— Имя незнакомо, — ректор покачал головой. — Но портал, судя по остаточной магии, был открыт намеренно. Вопрос — зачем? — он посмотрел на меня с любопытством. — Что ты такого сделала на экзамене, чтобы заслужить ссылку в Академию Тёмных Искусств?

— Я... ответила на вопрос, — растерянно сказала я.

— И что это был за ответ?

— Что моральный выбор — это про жизнь, а не про абстракции. И что иногда важнее сохранить нервы, чем соответствовать ожиданиям.

Ректор задумчиво постучал пальцем по столу. Пальцы у него были длинные, с аккуратными ногтями, и на одном блестело кольцо с тёмным камнем, похожее на то, что было у Верещагина, но старше, с потускневшей от времени оправой.

— Хм, — произнёс он. — А ведь в этом есть зерно тёмной мудрости. Игнорирование общественных норм в пользу личного комфорта? Пренебрежение ожиданиями ради сохранения себя? Это почти злодейство.

— Я не злодейка, — поспешно сказала я. — Я вообще добрая. Я котиков люблю. И печенюшки. И смотреть сериалы по вечерам.

— Котики, — ректор усмехнулся. — Посмотрим, как долго твоя доброта продержится здесь. Моргана, свободна.

Фиолетоволосая староста кивнула и вышла, бросив на меня напоследок взгляд, который ясно говорил: «Ты тут надолго не удержишься, философ».

Ректор поднялся и подошёл к окну. За ним открывался вид на всю академию — чёрные шпили, горящие огни, мечущиеся фигуры студентов. Две луны висели над горизонтом, и их свет падал на здания, превращая их в декорации к готическому роману.

— Значит так, Лена, — сказал он, и я вздрогнула, потому что не представлялась ему. — У тебя есть два варианта.

— Варианта? — эхом отозвалась я, чувствуя, как внутри всё холодеет. Мне уже не нравились варианты. После сегодняшнего экзамена я поняла, что варианты — это зло. Чистое, неразбавленное зло.

— Первый, — ректор поднял палец. — Мы находим способ отправить тебя обратно. Это долго, сложно и не гарантирует результата. Порталы между мирами — штука капризная, а твой мир находится очень далеко. Ты можешь ждать год, два, три. А можешь и не дожидаться.

— А второй? — спросила я, уже догадываясь.

— Второй, — ректор повернулся и посмотрел мне прямо в глаза, — ты поступаешь в Академию Тёмных Искусств. Учишься, осваиваешь программу, становишься квалифицированным специалистом. А заодно ждём, пока магический совет решит, что с тобой делать. Или пока ты сама не найдёшь способ вернуться.

— Но я не умею быть злодейкой, — растерянно сказала я. — Я даже муху не обижу.

— Научишься, — ректор пожал плечами. — Или не научишься — и тогда тебя отправят на перевоспитание к светлым.

— А что такое перевоспитание? — спросила я, не понимая, почему это звучит как угроза.

Ректор поморщился, словно съел лимон без сахара.

— Худшее, что может случиться с выпускником нашей академии, — сказал он мрачно. — Отправиться к светлым — значит признать себя неудачником. Там тебя будут учить быть... добрым. Честным. Справедливым. — Он произнёс эти слова так, будто речь шла о пытках. — Позор на всю жизнь. Ни одна уважающая себя тёмная сила не возьмёт такого специалиста на работу. Ты будешь опозорена, изгнана, забыта.

Я слотнула. В голове лихорадочно крутились мысли. С одной стороны — ждать неизвестно сколько в карантинном крыле, рискуя сойти с ума от одиночества. С другой — стать злодейкой, но хотя бы быть среди людей (и нелюдей), иметь шанс выжить и найти дорогу домой. Я вспомнила слова профессора Верещагина о моральном выборе. И выбрала меньшее из зол.

— Давайте договор, — сказала я, протягивая руку.

Ректор улыбнулся. Улыбка у него была... довольная. Слишком довольная.

— Умное решение, — он протянул мне пергамент. — Читай, подписывай. И добро пожаловать в Академию Тёмных Искусств, Лена. Надеюсь, ты не пожалеешь.

Я взяла пергамент. Пальцы дрожали.

Сверху было написано красивым каллиграфическим почерком:

«ДОГОВОР О ЗАЧИСЛЕНИИ

Я, нижеподписавшаяся, добровольно вступаю в ряды студентов Академии Тёмных Искусств и обязуюсь: изучать тёмные искусства, нести в мир зло (в рамках учебной программы), не поддаваться светлым влияниям, соблюдать устав академии, а также не разглашать тайны академии под страхом превращения в жабу.»

Я подняла глаза на ректора.

— В жабу?

— Формальность, — отмахнулся он, но в его глазах мелькнуло что-то, что заставило меня усомниться. — Никто ещё не превращался. Почти никто. Один был, но он сам виноват — слишком много вопросов задавал.

Я вздохнула, взяла перо (чёрное и тёплое на ощупь) и подписалась.

Глава 2

Подписать договор — это было только начало.

Как выяснилось через три секунды после того, как перо коснулось пергамента, в Академии Тёмных Искусств документы имели привычку... оживать. Чёрные буквы на моих глазах вспыхнули багровым светом, свернулись в тугую спираль и вплавились прямо в пергамент, оставив после себя рельефные, тёплые на ощупь письмена. А потом договор сложился сам собой, перелетел через стол и приземлился в папку с надписью «Личные дела. С особой жестокостью не уничтожать».

Магия, использованная в договоре, была древней — я чувствовала её как лёгкое покалывание в кончиках пальцев, хотя раньше никогда не ощущала ничего подобного. Словно внутри меня открылось новое окно восприятия.

— Поздравляю, — ректор Малахар Грозный откинулся в кресле и сложил руки на груди. Драконы на его тапочках согласно кивнули. — Теперь ты официально студентка Академии Тёмных Искусств. Временно, условно, с испытательным сроком и без права на магическую стипендию. Но всё же.

— Испытательный срок? — переспросила я, чувствуя, что договор был похож на айсберг — я увидела только макушку.

— Конечно. Мы не берём кого попало. Ты должна доказать, что достойна называться злодейкой. Или хотя бы... — он задумался, подбирая слово, — злодейкой-стажёркой.

— А если не докажу?

Ректор вздохнул с видом человека, который слишком часто объясняет очевидное.

— Тогда перевоспитание, Лена. Светлые ждут. У них там, говорят, очень мило. Лужайки, бабочки, утренние медитации о добре. Кошмар, в общем.

Я передёрнула плечами. Перспектива стать посмешищем среди злодеев и медитировать на лужайках с бабочками не вдохновляла.

— Что я должна делать?

— Для начала — заселиться, получить форму и расписание. Моргана! — крикнул ректор, и дверь открылась так быстро, словно староста стояла под дверью и подслушивала. — Проводишь новенькую в общежитие. И объясни ей... — он бросил на меня быстрый взгляд, — как здесь всё устроено.

Моргана скривилась так, будто ей предложили полить цветочки в оранжерее светлых.

— Есть, ректор.

— И, Моргана, — ректор поднял палец, и его голос стал чуть строже, — без твоих обычных методов «введения в курс дела». Я помню, что ты сделала с прошлым новеньким.

— Он сам виноват, — огрызнулась Моргана. — Нечего было называть меня «фиолетовой занозой».

— Он провёл три дня в лазарете с осиным вкусом магического происхождения.

— Предупредительным, — поправила Моргана. — В следующий раз буду жалить в более чувствительные места.

Ректор посмотрел на неё с усталостью, которая накапливалась годами.

— Веди уже.

Мы вышли из кабинета, и Моргана, не говоря ни слова, зашагала по коридору так быстро, что мне пришлось почти бежать.

— Слушай, — начала я, пытаюсь нагнать её, — а что за испытательный срок? Что мне нужно сделать?

— Выжить, — лаконично ответила Моргана.

— Это всё?

— Для начала — да. — Она замедлилась ровно настолько, чтобы я могла идти рядом, но не настолько, чтобы это выглядело как проявление доброты. — В нашей академии каждый год отчисляют около трети студентов. Кого-то за неуспеваемость, кого-то за... — она сделала паузу, — несовместимость с жизнью.

— В смысле?

— В прямом. В прошлом году один первокурсник решил, что он сильнее ректора, и вызвал его на дуэль. Ректор отказался — нечего, говорит, портить статистику. Но парень был настойчив. Очень настойчив. В общем, теперь он работает сторожем на кладбище. Говорят, ему там нравится. Компания не жалуется.

Я слотнула.

— А что насчёт... ну, обычных студентов? Тех, кто просто учится?

— Таких нет, — Моргана усмехнулась, и её острые клыки блеснули в свете факелов. — Здесь никто не учится просто так. У всех есть цель. Кто-то хочет стать тёмным властелином, кто-то — главным интриганом при дворе, кто-то — просто сжечь пару деревень и уйти на заслуженный отдых. Амбиции, философ. У тебя они есть?

— Я хочу сдать экзамен и вернуться домой, — честно ответила я.

Моргана остановилась и посмотрела на меня с выражением, в котором смешивались жалость, презрение и отдалённое подобие уважения.

— Тогда ты здесь долго не протянешь, — сказала она спокойно, без издёвки. — Но это не моя проблема. Идём, покажу твою комнату.

Мы вышли из главного корпуса, и я снова оказалась под фиолетовым небом с двумя лунами. Ветер слегка колыхал чёрные шпили, и где-то вдалеке раздавался странный звук — то ли вой, то ли песня.

— Что это? — спросила я, прислушиваясь.

— Студенты-некроманты практикуются, — равнодушно ответила Моргана. — Не обращай внимания. Если кто-то из мертвецов подойдёт к тебе и спросит, где здесь столовая, — не отвечай. Это проверка.

— Проверка чего?

— Твоей способности не вступать в диалог с теми, кто должен лежать в могиле. Базовый курс выживания. Неудачников потом откапывают по всему кампусу.

Я решила, что буду держаться подальше от некромантов.

Общежитие оказалось мрачным зданием в готическом стиле, с башнями, шпилями и витражами, на которых были изображены сцены из жизни тёмных властелинов. На одном витраже тёмный властелин получал диплом. На другом — сражался с героем. На третьем — просто сидел в кресле с книгой и выглядел при этом удивительно обыденно.

— Женское общежитие, — Моргана толкнула тяжёлую дубовую дверь. — Крыло «А». Третий этаж, комната 317. Твоя соседка — Марго. Не беси её, и она не выпьет всю твою кровь в первый же день.

— Выпьет кровь?!

— Марго — вампирша, — пояснила Моргана тоном, которым говорят «а ещё у неё рыжие волосы». — Не переживай, она пьёт только синтезированную. Но если ты ей сильно надоешь, может перейти на натуральную. Так что веди себя прилично.

— А что значит «прилично» в мире злодеев?

— Не мешай другим быть злодеями, — Моргана пожала плечами. — Всё просто. Ну и не попадайся никому на глаза в коридоре после отбоя. После отбоя начинается ночная жизнь.

— Какая ещё ночная жизнь?

— Тайные сходки, запрещённые ритуалы, подпольные дуэли, — Моргана перечисляла так, будто говорила о кружке по интересам. — Ну и пара привидений, которые любят пугать первокурсников. В общем, сиди в комнате и не высовывайся.

Мы поднялись на третий этаж по винтовой лестнице, которая скрипела под ногами так, будто ей было несколько сотен лет. Коридоры были узкими, с низкими сводчатыми потолками, и пахло здесь странно: смесью старой бумаги, ладана и чего-то сладкого, почти приторного. Позже я узнала, что это «аромат вампира» — особый запах, который остаётся после использования магии крови.

— Комната 317, — Моргана кивнула на дверь. — Марго обычно не кусается, если её не трогать. Форму получишь завтра утром в административном корпусе. Расписание — там же. Всё, вопросы?

— Тысяча, — честно ответила я.

— Не задавай их мне, — отрезала Моргана. — Я староста, а не нянька. Выживешь — увидимся на занятиях. Не выживешь — тоже увидимся, но уже на факультативе по некромантии.

Она развернулась и ушла, оставив меня одну перед дверью.

Я глубоко вздохнула и постучала.

— Войдите, — раздалось из-за двери. Голос был низким, бархатистым, с лёгкой хрипотцой.

Я толкнула дверь.

Комната оказалась... неожиданно уютной. Две кровати с балдахинами (чёрными, разумеется), два письменных стола, два шкафа и огромное окно с видом на внутренний двор. На одной половине комнаты царил идеальный порядок: книги стояли ровно по корешкам, на столе лежали аккуратно заточенные перья, на стене висело зеркало в изящной серебряной раме.

На второй половине... ураган, смешанный с землетрясением и небольшим пожаром. Книжки валялись кучей, одежда свисала со стула, на столе стояло нечто, что, вероятно, было чашкой несколько недель назад, а в углу лежал гроб. Чёрный, лакированный, с бархатной обивкой внутри.

Из этого гроба сейчас поднималась девушка.

Она была бледной, с чёрными волосами, собранными в небрежный пучок, и ярко-красными губами. На ней была длинная ночная рубашка, модная где-то в восемнадцатом веке. Вампирскую природу выдавали лёгкое свечение кожи в полумраке и почти незаметное мерцание в районе сердца — там, где у обычных людей бьётся пульс, у вампиров пульсировала накопленная магия.

— Ты новенькая? — спросила она, щурясь. Её глаза были тёмно-бордовыми, почти чёрными.

— Да, — кивнула я, стараясь не смотреть на гроб. — Лена.

— Марго, — она выбралась из гроба с грацией, которой позавидовала бы балерина, и потянулась. — Моргана сказала, что ты попаданка. И философ.

— Это правда.

— Странно, — Марго подошла ко мне и принялась. — Пахнешь добром. И печеньками.

— У меня с собой была пачка, но она, наверное, осталась в моём мире.

— Жаль, — Марго вздохнула. — Я обожаю печеньки. Особенно с шоколадной крошкой. Кровь, знаешь, это классика, но иногда хочется чего-то... человеческого.

Она усмехнулась собственной шутке.

Марго оказалась не такой страшной, как я ожидала.

Пока я осматривала комнату (вещей у меня не было — только та одежда, в которой я пришла), она рассказывала мне об академии. Оказалось, она учится здесь уже второй год и знает всё обо всех.

— Главное правило, — говорила она, сидя на краю своей кровати (гроб, по её словам, использовался только для сна, потому что «в кроватях спят некроманты, а у вампиров должен быть стиль»), — не верь никому. Вообще никому. Даже мне.

— Даже тебе?

— Особенно мне, — Марго улыбнулась, и её клыки блеснули. — Я же вампир. Мы все немного коварные. Это у нас в крови. В прямом смысле.

— Но ты же сказала, что пьёшь синтезированную.

— Пью. Но коварство не в крови, Лена. Коварство — это образ жизни. — Она взяла с тумбочки книгу с мрачным названием «Искусство тёмной интриги» и принялась листать. — В этой академии каждый что-то замышляет. Кто-то хочет стать главным злодеем, кто-то — уничтожить соперника, кто-то — просто пережить семестр.

— А ты?

Марго задумалась.

— Я хочу открыть своё дело. Кофейню для ночных существ. Представляешь: тёмный интерьер, приглушённый свет, кровь навывнос и свежая выпечка к утру. Название уже придумала — «Клык и кофе». Звучит?

— Очень, — честно сказала я. — А зачем тебе для этого академия?

— Затем, что для открытия бизнеса в нашем мире нужна лицензия на тёмную деятельность. А её выдают только выпускникам профильных заведений. Глупо, правда? Но правила есть правила. — Она захлопнула книгу. — Ладно, давай рассказывай. Как ты сюда попала? Моргана сказала, что тебя сбросил какой-то профессор?

— Верещагин, — кивнула я. — Я ответила на экзамене, что моральный выбор — это... ну, в общем, что иногда важнее сохранить нервы, чем соответствовать ожиданиям.

Марго смотрела на меня с всё возрастающим интересом.

— И он тебя за это — в портал?

— Ну да.

— А он случаем не был... ну, не знаю... магом? Или не был связан с нашим миром?

— Он был профессором философии, — я пожала плечами. — Я думала, что он просто странный старик.

— В нашем мире странные старики часто оказываются самыми опасными, — Марго усмехнулась. — Ладно, не парься. Поживёшь здесь, может, даже понравится. Тем более, — она бросила на меня быстрый взгляд, — я слышала, что тебе назначили куратора.

— Куратора?

— Да. У всех новеньких есть куратор из старшекурсников. Он помогает освоиться, вводит в курс дела, защищает от неприятностей. Обычно это какой-нибудь боевой маг или некромант. А у тебя, говорят, кто-то особенный.

— Кто?

Марго загадочно улыбнулась.

— Увидишь завтра. Спойлер: он мрачный, опасный и у него репутация хуже, чем у Морганы.

— Это утешает.

— Должно, — Марго подмигнула. — В нашей академии плохая репутация — это комплимент.

Ночь в академии оказалась... шумной.

Я лежала в кровати, пытаюсь уснуть, но за стеной кто-то громко спорил о том, чей заговор лучше. Сверху доносились шаги и странные звуки, похожие на заклинания. А из коридора — приглушённый смех и звон стекла.

— Не обращай внимания, — сонно пробормотала Марго из своего гроба. — Это второкурсники отмечают удачное проклятие. Завтра у них выходной, так что они отрываются.

— А что за проклятие?

— Да так, мелочь. Наслали прыщи на весь курс светлых магов. Говорят, теперь они выглядят как подростки в пубертатный период.

Я невольно улыбнулась.

— А здесь часто так... весело?

— Постоянно, — Марго зевнула, и я услышала, как щёлкнули её клыки. — Это же академия злодеев. Если нет хаоса, значит, день прошёл зря. Спокойной ночи, философ.

— Спокойной ночи.

Я закрыла глаза. Перед этим я смотрела в окно на две луны и думала о том, что в Москве сейчас, наверное, день. Кто-то сдаёт экзамены, кто-то пьёт кофе, кто-то просто живёт обычной жизнью. А я лежу в комнате с вампиршей, слушаю, как некроманты поют на крыше, и пытаюсь понять, как я вообще здесь оказалась.

«Ты сама выбрала», — сказал внутренний голос. «Ты подписала договор».

— Я выбрала меньшее из зол, — прошептала я в подушку.

— Не оправдывайся, — донёсся из гроба голос Марго. — Выбор — это всегда сделка с совестью. Главное, чтобы ты была готова к последствиям.

Я хотела спросить, откуда вампирша знает философию, но передумала. В конце концов, в этом мире, похоже, философом был каждый.

Утро наступило внезапно и безжалостно.

Солнца здесь не было — вместо него небо заливал бледно-лиловый свет, который проникал сквозь шторы и заставлял щуриться. Магия этого света была странной: она не грела, как солнечные лучи, а скорее наполняла пространство тягучей, вязкой энергией.

— Подъём, — голос Марго звучал бодро, что было странно для вампира. — У тебя сегодня первый день. Форма, расписание, куратор. Не проспи.

Я выбралась из кровати, чувствуя, что спала на камнях, а не на матрасе. Марго, заметив моё выражение лица, усмехнулась.

— Кровати здесь магические. Они подстраиваются под твою ауру. Если аура слабая — спать будешь плохо. Но ничего, привыкнешь.

— А как сделать ауру сильнее?

— Стать злодейкой, — просто ответила Марго. — Или хотя бы притворяться, что ты злодейка. Аура любит уверенность.

Я вздохнула. Одевшись в ту же одежду, в которой вчера провалилась сквозь портал (джинсы, футболка и лёгкая ветровка, которые теперь выглядели совсем не в тему), я последовала за Марго в административный корпус.

По пути она показывала мне главные места:

— Это столовая. Еда здесь сносная, но не бери суп по четвергам. Его готовит шеф-повар-некромант, и иногда ингредиенты пытаются сбежать.

— Это библиотека. Там есть всё, что нужно для учёбы, и половина того, что не нужно. Запретная секция открывается только по пропускам. У меня есть, но я тебе не дам.

— А это — главная площадь. Здесь проводят казни.

— Казни?!

— Учебные, — успокоила меня Марго. — Никто не умирает. Почти никто.

Я уже поняла, что фраза «почти никто» в этой академии заменяет обычное «всё будет хорошо».

В административном корпусе мне выдали форму: чёрная мантия с серебряной окантовкой, значок с черепом (как у Морганы, но без рубинов — простой, деревянный) и расписание.

Я развернула свиток и прочитала:

Расписание занятий (группа З-11):

9:00 — Основы коварства (лекция)

11:00 — Практическая интрига (семинар)

13:00 — Обед (перерыв)

14:00 — Введение в тёмную магию (практика)

16:00 — Этика злодея (факультатив)

— Этика злодея? — переспросила я. — У злодеев есть этика?

— Конечно, — Марго пожала плечами. — Нельзя же просто так взять и захватить мир. Нужно соблюдать правила. Не убивать детей, не трогать мирных жителей без причины, не использовать запрещённые заклинания. Всё как у людей, только мрачнее.

— А что насчёт... — я хотела спросить про куратора, но в этот момент дверь административного корпуса открылась, и внутрь вошёл высокий парень.

У него были чёрные волосы, падающие на лицо, и глаза такого тёмного серого цвета, что они казались грозowymi тучами. На нём была такая же чёрная форма, как у всех, но на значке горели не рубины, а сапфиры. От него исходила магия — плотная, тяжёлая, как свинцовое одеяло. Я физически ощутила её давление, хотя раньше никогда не чувствовала магию.

Он смотрел прямо на меня.

— Лена? — спросил он. Голос был низким, хриловатым.

— Д-да, — ответила я.

— Я Дариан. Твой куратор.

Он протянул руку.

Я посмотрела на его ладонь, потом на его лицо, потом снова на ладонь.

— Тот самый Дариан? — уточнила я. — С репутацией хуже, чем у Морганы?

Он усмехнулся. Усмешка была такой, что у меня внутри всё перевернулось.

— Это комплимент, — сказал он. — Добро пожаловать в академию, философ. Надеюсь, ты готова к хаосу.

Я взяла его руку. Ладонь была холодной, но крепкой. И в момент прикосновения я почувствовала странный импульс — словно что-то внутри меня откликнулось на его магию. Тёмную, древнюю, очень опасную.

«Ну, Лена, — подумала я. — Выбор сделан. Обратной дороги нет».

И, кажется, это было только начало.

Глава 3

Мы вышли из кабинета ректора, и я всё ещё чувствовала на руке холод его ладони. Дариан шёл рядом, не глядя на меня, и казалось, что он уже оценивает мои шансы на выживание.

— Руку можешь отпустить, — сказал он. — А то студенты начнут сплетничать, что у куратора роман с первокурсницей. А это, знаешь ли, вредно для репутации. Моей, разумеется.

Я отдернула руку, чувствуя, как щёки заливаются краской.

— Я и не держала. То есть... я просто...

— Забудь, — он усмехнулся. — Идём. У нас мало времени.

— Куда?

— На распределение.

Я хотела спросить, что это такое, но Дариан уже шагал вперёд, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним. По пути я заметила Марго — она стояла у выхода из административного корпуса, прислонившись к колонне с видом человека, который ждёт интересного представления.

— Удачи, философ, — сказала она, подмигнув. — Она тебе понадобится. Особенно когда камень покажет, что ты не такая, как все.

— Ты не идёшь? — спросила я.

— Я своё уже отстояла в прошлом году, — Марго усмехнулась, и её клыки блеснули. — Второй раз на это смотреть — удовольствие сомнительное. Но я подожду тебя здесь. Расскажешь потом, как всё прошло.

Дариан бросил на неё короткий взгляд.

— Она права, — сказал он, когда мы отошли. — Репутация у меня действительно не сахарная.

— За что?

— За многое. — Он не смотрел на меня, шагая вперёд так уверенно, будто знал каждый камень на этой мостовой. — Но тебе об этом лучше не знать. По крайней мере, пока.

— Потому что испугаюсь?

— Потому что ты и так выглядишь так, будто готова сбежать обратно в портал, — он бросил на меня быстрый взгляд, и в уголках его губ мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее улыбку.

— Я не испугана, — соврала я. — Я... в состоянии адаптации.

— Философы всегда так красиво называют свои страхи, — заметил он. — Ладно, идём. Расскажу по дороге, что тебя ждёт.

Распределение, как объяснил Дариан, было главным событием для всех первокурсников (и попаданцев заодно). Именно здесь определялось, в каком направлении студент будет учиться: боевая магия, некромантия, интриги, дипломатия, алхимия или что-то более узкое.

Магия в этом мире, как я успела понять, делилась на несколько школ. Боевая магия отвечала за прямое применение силы — огненные шары, молнии, силовые поля. Некромантия работала с энергией смерти и позволяла управлять нежитью. Интриги и дипломатия были основаны на ментальной магии — воздействии на разум, создании иллюзий, чтении мыслей. Алхимия занималась превращением веществ и созданием артефактов.

— Есть ещё специальные факультеты, — говорил Дариан, пока мы шли через внутренний двор, где уже собирались студенты, — но туда попадают только после второго курса. Или если у студента обнаруживаются... необычные способности.

— Какие, например?

— Например, умение управлять снами. Или говорить с мёртвыми. Или — как один мой знакомый — вызывать дождь из лягушек. Правда, его потом отчислили. Лягушки заполонили всю академию, ректор был в ярости.

— А куда я могу попасть?

Дариан остановился и посмотрел на меня так, будто оценивал товар на рынке.

— Судя по твоему магическому фону — почти никуда, — сказал он честно. — Ты человек, и у тебя нет врождённого дара. Но в этой академии есть несколько направлений, где магия не главное. Например, дипломатия. Или теория зла. Или история тёмных властелинов.

— История тёмных властелинов?

— Ну да. Кто, когда и какой замок захватил. Очень полезный предмет, если хочешь не повторять чужих ошибок.

— А ты на каком факультете? — спросила я, надеясь, что вопрос не прозвучит слишком лично.

Дариан усмехнулся. На этот раз усмешка была горькой.

— Я на факультете боевой магии. Но это потому, что у меня нет выбора. — Он отвернулся и продолжил путь. — Идём, а то опоздаем.

Зал распределения оказался огромным. Сводчатый потолок терялся где-то в темноте, стены были украшены портретами бывших ректоров, которые двигались и переглядывались. Правда, выглядели они очень мрачно: кто-то злоеще ухмылялся, кто-то грозил пальцем, а один, кажется, спал, и из его носа вылетали маленькие чёрные бабочки — магические проекции, которые материализовывались из холста и кружили по залу.

В центре зала стоял камень.

Огромный, чёрный, с пульсирующими алыми прожилками, он напоминал сердце какого-то древнего чудовища. Магия, исходящая от него, была древней и плотной — я чувствовала её кожей, как лёгкое покалывание. Вокруг камня собралась толпа студентов — человек пятьдесят, не меньше. Все в чёрных мантиях, с разными значками на груди.

— Что это? — спросила я, показывая на камень.

— Камень судьбы, — ответил Дариан. — Определяет твою предрасположенность к тому или иному виду тёмной деятельности. Кладёшь руку — и он показывает, куда тебе идти.

— А если не понравится результат?

— Тогда можно попробовать ещё раз. Но камень обычно не ошибается. И если ты будешь спорить с ним, он может... обидеться.

— Обидеться?

— В прошлом году один студент заявил, что камень врёт, и тот наслал на него проклятие вечной икоты. Парень икал три месяца. Преподаватели сбивались со счёта, когда он отвечал на экзаменах.

Я решила, что с камнем спорить не буду.

В очереди я заметила знакомые лица. Моргана стояла в первом ряду, скрестив руки на груди, и смотрела на происходящее с видом королевы, которая явилась посмотреть на забавы простолюдинов.

А ещё я заметила, что на меня смотрят. Много кто. С любопытством, с насмешкой, с откровенным недоброжелательством.

— Попаданка, — прошептал кто-то сзади. — Говорят, философ.

— Философ в академии злодеев? — хмыкнул другой голос. — Долго не протянет.

— А куратор у неё Дариан. Тот самый. Интересно, как он её будет... опекать.

Смешки. Я почувствовала, как к щекам приливает кровь.

— Не обращай внимания, — тихо сказал Дариан, стоявший рядом. — Они просто боятся.

— Чего?

— Что ты окажешься сильнее, чем они думают.

Я хотела спросить, как философ без магии может оказаться сильнее, но в этот момент голос из магических рупоров объявил:

— Следующий!

К камню подходили по одному. В основном это были первокурсники — взволнованные, бледные, с зажатыми в кулаках руками. Каждый касался камня, и тот вспыхивал определённым цветом: красный — боевая магия, зелёный — некромантия, синий — интриги, фиолетовый — дипломатия, жёлтый — алхимия. Иногда вспыхивали сразу два цвета — это означало, что студент одарён в нескольких направлениях.

Моргана, стоявшая в первом ряду, вдруг вышла вперёд — из вредности, чтобы показать первокурсникам, как это делается. Она коснулась камня с таким видом, будто делает одолжение. Тот вспыхнул ярко-синим — цвет интриг, который у неё был и в прошлом году. Она усмехнулась, отошла и бросила на меня взгляд, который ясно говорил: «Я на своём месте. А ты?»

Наконец подошла моя очередь.

Я сделала шаг вперёд и почувствовала, как все взгляды устремились на меня. Даже портреты на стенах замерли, перестав шевелиться.

Камень пульсировал алым, как будто ждал.

— Клади руку, — сказал распорядитель — пожилой маг с длинной седой бородой и глазами, которые, казалось, видели тебя насквозь.

Я глубоко вздохнула.

«Ну, Лена, — подумала я. — Выбор сделан. Теперь — судьба».

Я положила ладонь на камень.

Он был холодным. Таким холодным, что я чуть не отёрнула руку. Но в следующую секунду холод сменился теплом, а потом — жаром. Камень запульсировал быстрее, и его прожилки засветились ярче.

А потом... ничего не произошло.

Тишина.

Камень не вспыхнул ни красным, ни синим, ни зелёным. Он просто светился алым, как и раньше.

— Странно, — сказал распорядитель, нахмурившись. — Попробуй ещё раз.

Я попробовала. С тем же результатом.

— Может, она бездарь? — крикнул кто-то из толпы. — Ни к чему не способна?

— Философ, что с неё взять! — подхватил другой.

Я почувствовала, как внутри закипает злость. Несправедливая, глупая злость. Я не просила попадать сюда. Я не просила становиться злодейкой. Но слышать, как надо мной смеются, было обидно.

— Подождите, — распорядитель подошёл ближе и всмотрелся в камень. — Кажется, я понимаю.

Он что-то прошептал — древнее заклинание на языке, которого я не знала, но которое отозвалось в моём сознании смутными образами, — и камень изменил цвет. Алый превратился в бледно-розовый, потом в золотой, потом в...

— Белый, — выдохнул распорядитель. — Камень показал белый.

В зале воцарилась тишина. Абсолютная. Даже портреты перестали дышать.

— Что значит белый? — спросила я, не понимая.

Распорядитель смотрел на камень так, будто тот заговорил на неизвестном языке. Потом перевёл взгляд на меня, и в его глазах промелькнуло что-то, чего я не ожидала — не презрение, не страх, а... благоговение?

— Белый, — повторил он, и голос его прозвучал глухо, словно он сам не верил в то, что говорит. — Это не просто отсутствие предрасположенности к тёмной магии. И это не свет. Это... Пустота.

— Пустота? — переспросила я, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Антимagia, — пояснил он. — Очень редкий дар. Ты не создаёшь заклинания и не отражаешь их. Ты... возвращаешь магию в исходное состояние. Нейтрализуешь. Гасишь. Камень не может определить твой путь, потому что твой путь — быть вне системы. Вне тьмы и света.

В зале раздался гул.

— Пустота в академии злодеев? — закричал кто-то. — Это позор!

— Как она вообще сюда попала?

— Отчислить!

— На перевоспитание!

Я стояла у камня, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Пустота. Я — пустота. В мире, где магия определяет всё, я оказалась... никем. Я обвела взглядом толпу. Даже те, кто не кричал, отводили глаза — будто я стала заразной. Будто от одного взгляда на меня можно было лишиться собственной магии.

— Тишина! — голос Дариана прозвучал как раскат грома.

Все замолчали.

Дариан вышел вперёд и встал рядом со мной. Его лицо было спокойным, но глаза горели таким холодным огнём, что даже распорядитель сделал шаг назад.

— Камень мог ошибиться, — сказал Дариан. — Это бывает.

Я поняла: он врёт. Не потому, что не знает правды, а потому, что хочет меня защитить.

— Камень не ошибается, — возразил распорядитель.

— Тогда, — Дариан повернулся к нему, — пусть покажет ещё раз.

Распорядитель посмотрел на него, потом на меня, потом на камень.

— Хорошо, — кивнул он. — Пусть будет ещё раз.

Я снова положила руку на камень.

И снова он вспыхнул белым.

Тишина стала звенящей.

— Я же говорил, — прошептал кто-то.

— Пустота, — повторил другой. — В нашей академии.

Я ощутила, как внутри всё рушится. Испытательный срок, перевоспитание, позор... Всё это промелькнуло перед глазами. Но в тот момент, когда я уже готова была опустить руки, я вспомнила слова профессора Верещагина: «Выбор определяет жизнь». Я сделала свой выбор, когда подписала договор. И теперь отступать было поздно.

— Это ничего не меняет, — неожиданно громко сказала я.

Все уставились на меня.

— Что? — переспросил распорядитель.

— Я сказала, это ничего не меняет, — повторила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я подписала договор. Я студентка этой академии. И то, что камень показал белый цвет, не значит, что я не могу быть злодейкой. Злодейство — это выбор. Так меня учили на экзамене по философии.

В зале снова воцарилась тишина.

А потом кто-то засмеялся.

Я повернулась и увидела Моргану. Она стояла, скрестив руки, и улыбалась. Не насмешливо, а одобрительно.

— Неплохо, философ, — сказала она. — Неплохо.

Дариан посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то, чего я не смогла прочитать.

— Решение за ректором, — сказал распорядитель, когда шум немного утих. — Но раз договор подписан...

— Договор подписан, — подтвердил чей-то голос от двери.

Все обернулись.

В дверях стоял ректор Малахар Грозный. Всё в том же халате и тапочках с драконами. Он выглядел так, будто только что проснулся, но его глаза смотрели внимательно и остро.

— Я слышал, что здесь произошло, — сказал он, входя в зал. — Белый цвет. Пустота. Впервые за последние... — он задумался, — лет триста, кажется.

— Что с ней будет? — спросил распорядитель.

Ректор подошёл к камню и посмотрел на меня. В его взгляде не было насмешки, только любопытство.

— Лена, — сказал он. — Ты хочешь остаться?

Я посмотрела на Дариана. Он стоял рядом, и его лицо ничего не выражало. Потом посмотрела на Моргану — та кивнула.

Внутри меня боролись страх и упрямство. Я вспомнила, как легко было сдать экзамене, как хотелось просто сесть и ничего не говорить. Но я не сдалась тогда. Не сдамся и сейчас.

— Да, — сказала я. — Хочу.

— Даже если ты никогда не станешь злодейкой?

— Я стану, — сказала я, не зная, откуда берётся эта уверенность. — Я стану злодейкой.

Но по-своему.

Ректор усмехнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда ты остаёшься. Но учиться ты будешь не на боевом факультете и не на некромантии.

— На каком же?

— На дипломатии, — ректор кивнул, словно принял окончательное решение. — Ты философ. Дипломатия — это искусство убеждения. А убеждение — это та же философия, только с последствиями.

— Но дипломатия — фиолетовый цвет, — возразил распорядитель. — А она...

— Я вижу цвет, — спокойно ответил ректор. — Но у меня есть чутьё, которое не обманывало меня последние триста лет. Она будет учиться на дипломатии.

А «Основы коварства» и другие базовые предметы, — добавил он, бросив взгляд на притихших студентов, — обязательны для всех факультетов. Даже дипломатам нужно знать, как их будут обманывать. И курировать её будет... — он посмотрел на Дариана, — продолжать Дариан.

Дариан кивнул, не выказывая никаких эмоций.

— Вопросы есть? — спросил ректор.

Вопросов не было.

Или они были, но никто не решился их задать.

Когда мы вышли из зала, я чувствовала себя так, будто пробежала марафон. Ноги дрожали, в голове шумело, а перед глазами всё ещё стоял тот белый свет.

У выхода меня ждала Марго. Она сидела на каменной скамье и листала какую-то книгу, но, увидев меня, тут же захлопнула её и вскочила.

— Ну что? — спросила она, вглядываясь в моё лицо. — Какой цвет?

— Белый, — ответила я.

Марго присвистнула.

— Пустота, значит. Редкий дар. Очень редкий.

— Ты знала, что так бывает?

— Слышала, — она пожала плечами. — Но никогда не видела. Говорят, последний раз такое было лет триста назад. И закончилось... ну, не очень.

— Чем закончилось?

— Не помню точно, — Марго отвела взгляд, и я поняла, что она врёт. — Но ты не переживай. Пустота — это не приговор. Это просто... другая магия.

— Ты молодец, — сказал Дариан, когда мы отошли от зала. — Не каждый смог бы так ответить.

— Я испугалась, — честно призналась я. — Очень.

— Это нормально. — Он посмотрел на меня, и в его глазах промелькнуло что-то, что я приняла за уважение. — Но ты не сдалась. Это важно.

— А что будет теперь? Дипломатия — это...

— Это искусство договариваться, — перебил он. — Убеждать, манипулировать, находить общий язык с теми, кто тебя ненавидит. В общем, то, что ты делала на экзамене, только в более агрессивной форме.

— И ты будешь меня этому учить?

— Я буду тебя защищать, — поправил Дариан. — Учить будут другие. Моя задача — чтобы ты дожила до этих уроков.

— Это так опасно?

— В академии злодеев всё опасно, — он усмехнулся. — Но ты справишься. У тебя есть то, чего нет у других.

— Что?

— Упрямство, — сказал Дариан. — И философское отношение к жизни. Это иногда важнее магии.

Он развернулся и пошёл прочь, оставив меня стоять на месте.

Я смотрела ему вслед и думала о том, что мир, в который я попала, оказался сложнее, чем я думала. Здесь нет чёткого разделения на добро и зло. Здесь есть только выбор. И последствия.

«Как на экзамене по философии», — подумала я и невольно улыбнулась.

Может быть, профессор Верещагин всё-таки чему-то меня научил.

Вечером я сидела на подоконнике в своей комнате и смотрела на две луны. Марго ушла на какое-то вампирское собрание, и я осталась одна.

В голове крутились события дня. Белый свет камня. Слово «Пустота». Шёпот толпы. Взгляд Дариана. И странное чувство, которое не покидало меня с тех пор, как я коснулась камня во второй раз.

Я подняла руку и посмотрела на ладонь. В свете лун мне показалось, что от пальцев исходит едва заметное свечение — серебристое, холодное. Я потёрла ладонь о мантию, но свечение не исчезло.

«Что это?» — подумала я.

Ответа не было.

Я легла спать, но долго не могла уснуть. Слышала, как за стеной кто-то шепчет заклинания, как на крыше воют студенты-некроманты, как где-то далеко кричит грифон. А в промежутках между этими звуками я слышала тишину — такую же глубокую, как та, что была в портале.

«Я справлюсь, — сказала я себе. — Должна справиться».

И закрыла глаза.

Глава 4

После распределения, где я едва не стала изгоем, а потом неожиданно получила поддержку, мне казалось, что хуже уже быть не может. Но, как выяснилось, я слишком оптимистично смотрела на вещи.

Утро выдалось... шумным.

Я проснулась от того, что кто-то настойчиво стучал по крышке гроба Марго. Не по моей кровати, заметьте, а именно по гробу. Будто хотел убедиться, что обитательница внутри жива. Или неживая. В общем, на месте.

— Марго! — голос Морганы был таким резким, что даже я подскочила. — Твоя соседка должна быть на первом уроке через двадцать минут. Если она опоздает из-за того, что ты проспала, я лично запишу тебя в группу утренней некромантии.

Крышка гроба приподнялась, и оттуда показалось заспанное лицо Марго с идеально накрашенными губами. Как у вампиров это получалось — загадка. Возможно, магия крови позволяла им поддерживать внешность даже во сне.

— Моргана, если ты не перестанешь стучать, я перейду на натуральную кровь. И начну с тебя, — прохрипела она.

— У тебя завтрак наступает, когда я скажу, — отрезала Моргана, ничуть не испугавшись. — Лена, вставай. Твой первый урок — «Основы коварства». Преподаватель — лорд Вортекс. Он не любит, когда опаздывают. Особенно попаданцы.

— А что он делает с опоздавшими? — спросила я, уже выбираясь из кровати.

— В прошлый раз он превратил опоздавшего студента в стул, — спокойно ответила Моргана. — Стул простоял три дня, пока кто-то не догадался его расколдовать. Студент потом полгода не мог сидеть. Боялся, что его снова превратят.

Я оделась рекордно быстро. Чёрная мантия, которую мне выдали в администрации, оказалась на удивление удобной — она сама подстроилась под мою фигуру, словно была сшита специально для меня. Магия, вшитая в ткань, создавала лёгкое ощущение тепла, защищая от сквозняков.

Марго, наконец, вылезла из гроба и смотрела на мои сборы с философским спокойствием.

— Не волнуйся, — сказала она, потягиваясь. — Вортекс — старый пердун, но справедливый. Если будешь внимательно слушать и не перебивать, он не превратит тебя в мебель.

— А во что может превратить?

— Всё что угодно, — Марго зевнула, обнажив внушительные клыки. — В прошлом семестре он превратил одного нахала в настольную лампу. Студент простоял на кафедре две недели, пока Вортекс не решил, что урок усвоен. Говорят, лампу даже включали пару раз, чтобы проверить, работает ли.

— И работает?

— Ага, — Марго хихикнула. — Светился, как новогодняя ёлка. Студент потом утверждал, что это был ценный опыт. Особенно та часть, где он наблюдал за экзаменом с высоты кафедры.

Я решила, что на уроке буду паинькой.

Аудитория, где проходили «Основы коварства», находилась в подвале главного корпуса. Мы спустились по винтовой лестнице, которая, казалось, уходила в самое сердце земли, и оказались в длинном коридоре с низким сводчатым потолком. Факелы горели зелёным огнём — магическим, не требующим дров, — и в воздухе пахло сыростью и чем-то... серным.

— Почему занятия по коварству проводятся в подвале? — спросила я у Марго, которая вызвалась проводить меня.

— Атмосфера, — пояснила вампирша. — Коварство любит тень. И сырость. И лягушек.

— Лягушек?

— Ну да. Их используют для практических занятий. Вортекс считает, что лягушки — идеальные объекты для козней. Они не жалуются, не убегают и не требуют гуманного обращения.

Мы вошли в аудиторию.

Это было просторное помещение с высокими потолками, которые, впрочем, терялись в темноте. Вдоль стен стояли парты, расположенные амфитеатром, чтобы каждому студенту было видно, что происходит в центре. А в центре находился... стол. Обычный деревянный стол. На котором стояла клетка с лягушками.

Лягушки были зелёными, с красными глазами, и смотрели на входящих студентов с таким видом, будто сами могли преподавать пару уроков коварства.

— Садитесь, — раздался голос откуда-то сверху.

Я подняла голову и увидела преподавателя.

Лорд Вортекс сидел на балконе, который нависал над аудиторией, и смотрел вниз с высоты птичьего полёта. Он был старым — очень старым, с длинной седой бородой, которая, казалось, жила своей собственной жизнью, и глазами такого бледно-голубого цвета, что они напоминали лёд.

На нём была мантия, расшитая серебряными рунами, и на шее висела цепь с кулоном в виде... лягушки.

— Сегодня у нас новенькая, — сказал Вортекс, и его взгляд упал на меня. — Попаданка. Философ. И, по слухам, белый цвет на камне судьбы.

Я почувствовала, как все взгляды устремились на меня. В аудитории было около двадцати студентов, и каждый смотрел с разной степенью интереса: кто-то с любопытством, кто-то с насмешкой, кто-то с откровенной неприязнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.